

Глава 569: На Седьмой День

Трое Потерянных, казалось, были в лучшей форме, чем накануне — их доспехи были вычищены, а раны обработаны. Однако выглядели они как-то хуже. Их лица были бледнее, движения — напряженнее, а в глазах пряталась странная тьма.

Только часовой, который до этого разговаривал с Санни, остался прежним. Казалось, его холодная решимость стала еще сильнее... как и его молчаливая враждебность. Не говоря ни слова, он бросил тубики с синтпастой в клетку, а затем указал на сосуд с водой, лежавший на полу рядом с Касси.

Санни бросил пустую флягу с водой и получил взамен новую.

— Сэр! Не могли бы вы объяснить нам, что происходит? Где ваш... четвертый друг? Что-то случилось?

Страж уставился на него с тяжелым, мрачным выражением лица. Когда он ответил, его голос был ровным и спокойным:

— Не говори, пока тебя не попросят.

С этими словами Потерянный ушел. Дверь камеры закрылась с громким щелчком, пламя масляной лампы затрепетало, и все снова погрузилось в тишину.

Санни вздохнул.

— ...Какой недружелюбный парень.

Вот так и началось их заключение.

В каменной камере не было окон, поэтому уследить за течением времени было практически невозможно. Единственной подсказкой для них было появление трех Потерянных, которые каждый день приносили им еду и воду, а также иногда меняли масло в лампе.

Первые несколько дней Санни и Касси провели в тишине и напряженном, мрачном ожидании. Они спали спина к спине, обмениваясь теплом своих тел, чтобы преодолеть ледящий холод тюремной камеры, и страдали днем, не разговаривая друг с другом без крайней необходимости. Оба ждали, что произойдет что-то катастрофическое.

Однако ничего не произошло.

Храм Ночи больше не сотрясаясь, и через тяжелую дверь не проникало ничего, что могло бы их освободить или уничтожить. Ни Мастер Велт, ни Мастер Пирс не посещали заколдованную камеру, как будто о Санни и Касси совсем забыли. Каменная камера была безмолвной и неизменной.

Однако они все равно могли сказать, что снаружи происходит что-то зловещее и страшное. Доказательством тому служило то, как выглядели и вели себя трое Потерянных, приносящие им еду — их единственная связь с остальным миром.

С каждым днем двое из них казались все более напуганными, а третий становился все более холодным и мрачным. Сколько бы Саннин ни пытался уговорить часового, высокомерный воин отказывался что-либо рассказывать и только смотрел на пленников сквозь железные прутья клетки полными гнева глазами.

Их действия тоже изменились. Если раньше все трое смотрели на Санни и Касси, когда разносили еду, то теперь это делал только часовой. Двое других стояли лицом к двери, держа оружие наготове.

...Иногда их руки дрожали.

Понимая, что в ближайшее время ничего не изменится, Санни пришлось нехотя изменить свое поведение. Он поделился с Касси всем, что знал о Мордрете, и в ответ узнал все, что она помнила о Храме Ночи. Им ничего не оставалось делать, кроме как учить друг друга, и они по многу раз прорабатывали каждую мелочь... но в итоге ничего не добились.

Ни новых подсказок, ни более глубокого понимания, ни даже хорошей догадки или двух. Это был просто тупик.

Пока что...

На седьмой день трое Потерянных прибыли, как обычно. Страж прошел вперед и бросил тюбики с синтпастой в клетку, а двое других заняли оборонительные позиции за его спиной. Их глаза казались темными и впалыми.

Однако прежде чем Санни успел выбросить наружу пустой сосуд для воды, в коридоре за дверью внезапно раздался леденящий душу крик. Длинный, захлебывающийся крик эхом отразился от холодных камней, полный мучений и неопишуемой агонии.

Как могло человеческое горло издать такой звук?

Потерянные напряглись и схватились за оружие, один из них сделал произвольный шаг назад.

Страж зарычал и толкнул человека в спину.

— Возьмите себя в руки, трусы! Вспомните свой долг!

С этими словами он кинул Санни флягу с водой и бросился наружу, в его руке из водоворота пляшущих искр света появился тонкий меч. Остальные стиснули зубы и последовали за ним, закрыв за собой дверь.

Пламя масляной лампы дрожало.

...На следующий день, когда дверь снова открылась, в нее вошли только двое Потерянных.

Один из выживших Потерянных выглядел как ходячий труп. На его теле не было ран, но глаза были тусклыми и стеклянными. Он безжизненно посмотрел на Санни и Касси, затем повернулся и поднял оружие, с усталым ужасом глядя на открытую дверь.

Даже высокомерный часовой казался немного... ослабленным. Его красивое лицо по-прежнему было холодным и решительным, но в том, как он держал плечи, чувствовалась какая-то слабость, а в движениях — легкая неуверенность.

Он бросил тубики с синтпастой и воду в клетку, даже не дожидаясь, пока Санни вернет две другие фляги с водой. Санни хотел, как обычно, попытаться заставить Потерянного снова заговорить с ним, но потом передумал.

В глазах этого человека был такой острый взгляд, что мысль о том, чтобы хоть немного подтолкнуть его, казалась слишком опасной.

Двое Потерянных ушли, оставив пленников наедине.

Санни несколько минут смотрел на дверь и оранжевое пламя масляной лампы, пляшущее рядом с ней, потом вздрогнул и отвернулся.

Их тюремщики возвращались еще несколько раз. С каждым днем они выглядели все более растрепанными и измученными, темнота в их глазах становилась все глубже и глубже. Несколько раз Санни слышал странные, тревожные звуки, доносившиеся из коридора, но двое Потерянных, казалось, никак на них не реагировали.

Спустя неделю еду не приносили особенно долго. Санни мрачно смотрел на дверь, чувствуя, как голодные муки терзают его пустой желудок. Одного тубика синтпасты в день было недостаточно, чтобы насытиться, поэтому он всегда был голоден... как и раньше, когда жил на

окраинах.

Прошло несколько часов, но двух Потерянных нигде не было видно.

«Где же они, черт возьми...»

И вдруг что-то с громким стуком врезалось в дверь снаружи. С потолка посыпалась пыль, а затем все снова погрузилось в тишину.

Несколько мгновений Санни оставался неподвижным, затем медленно посмотрел вниз.

Что-то текло из-под двери, стекая по склону купола к клетке. В тусклом оранжевом свете масляного фонаря жидкость казалась почти черной.

Но он слишком хорошо знал ее запах...

Кровь. Это была человеческая кровь.

...После того дня никто больше не приходил их кормить.

<http://tl.rulate.ru/book/69326/2720007>